

Клёцки, приготовленные на кухне хоу И'Ань, были свежими и ароматными. Хуа Си Ван больше всего любила их до свадьбы, поэтому рано утром седьмого числа Лу-ши распорядилась, чтобы слуги приготовили любимую кашу Хуа Си Ван, клёцки и несколько закусок.

Янь Цзинь Цю сопровождал Хуа Си Ван в главный зал, чтобы поприветствовать родителей, прежде чем вся семья перешла в столовую. Вместе они вкусили эту утреннюю трапезу, которая прошла на час позже, чем обычно.

Вымыв руки и подождав, пока Хуа Хэ Шэн и Лу-ши первыми возьмут свои палочки, Янь Цзинь Цю палочками взял клёцки и положил их в тарелку Хуа Си Ван. Затем он естественным движением налил маленькую чашку миндального молока и поставил рядом с ее левой рукой. Сделав все это, он начал выбирать понравившуюся еду уже для себя.

Лу-ши заметила его движения, и в ее глазах появилось довольное выражение. Даже засахаренные фрукты, которые она обычно ела, сейчас казались вкуснее, чем обычно.

Когда она встала, ее мучила жажда, поэтому Хуа Си Ван быстро выпила половину чашки миндального молока. Поставив ее на стол, она подтолкнула чашу в сторону Янь Цзинь Цю и улыбнулась. Лу-ши заметила это и сначала хотела приказать слуге рядом с ней налить молока ее дочери. Но когда она увидела, что Бай Ся и другие служанки не двигаются с места, она притворилась, что ничего не замечает.

Движения Хуа И Лю замедлились, когда она увидела, как эти двое ведут себя друг с другом. Она посмотрела на внимательные действия Сянь Цзюньвана, и ее рука крепче сжала ложку. Обнаружив, что Хуа Чу Юй смотрит на нее, она холодно посмотрела на нее в ответ и наклонила голову, чтобы выпить ставший безвкусным бульон из своей тарелки.

Взгляд Сунь-ши, казалось, случайно скользнул по ним, а затем она отвела глаза с легкой улыбкой.

После трапезы Хуа Си Ван с Янь Цзинь Цю должны были вернуться в поместье Цзюньвана. Прежде чем сесть в экипаж, она обернулась к отцу и двум братьям, стоявшим позади нее. Через мгновение она сказала: «Не скупайтесь по мне, берегите себя».

Хуа Хэ Шэн смотрел, как его дочь садится в экипаж. Занавески в карете закрывали ему обзор. Когда карета отъехала, он проводил ее взглядом. Только когда она скрылась из виду, он обернулся и сказал сыновьям: «Вернемся в дом».

Только что, когда она уходила, Си Ван произнесла всего шесть слов, но он смог расслышать глубокий смысл, заключенный в этих словах.

Сянь Цзюньван был человеком глубокого ума и очень честолюбивым. Однако он был не из тех, кто сидит сложа руки. Си Ван не хотела, чтобы поместье хоу втягивали в это дело, поэтому она сказала: «Берегите себя».

Хуа Чан Бао с серьезным видом последовал за отцом. Думая о своей сестре, которую увезли в этом великолепном экипаже, он вздохнул про себя.

В карете Янь Цзинь Цю играл с двумя вырезанными косточками [1]. Он наклонил голову и улыбнулся Хуа Си Ван, говоря: «Ты знаешь растение камписис [2]? Во время цветения его цветы просто прекрасны, но на самом деле даже самый гордый цветок может цвести лишь тогда, когда полагается на поддержку других».

- Цветок с таким названием звучит гордо, но это не так.

Уголки губ Хуа Си Ван приподнялись, когда она презрительно произнесла: «Цветы – всего лишь украшение, ими приятно любоваться. Почему мы должны изучать, как они растут?»

Янь Цзинь Цю посмотрел на нее со слабой улыбкой. Мгновение спустя он бросил вырезанные косточки обратно в красивую шкатулку.

- Ты совершенно права.

Уголки губ Хуа Си Ван дрогнули, но она ничего не сказала.

Когда карета въехала в поместье Цзюньвана, Хуа Си Ван вышла первой. Она не стала дожидаться, пока Янь Цзинь Цю выйдет, взяла Бай Ся за руку и направилась прямо в главные покои.

- Си Ван. - Янь Цзинь Цю высунул голову из кареты. Он посмотрел в спину Хуа Си Ван и спросил: - Почему ты идешь так быстро?

Хуа Си Ван повернула голову назад, чтобы посмотреть на человека, сидящего в экипаже. Она слегка вздернула подбородок и фыркнула, коротко бросив: «У Цзюньван Е все еще есть важные дела, ничтожная я не смею тебя беспокоить». Закончив, она повернулась, чтобы уйти. Пройдя несколько шагов, она увидела, что из декоративного пригорка торчит кусок камня. Она остановилась и сказала: «Какой некрасивый выступ, сразу же бросается в глаза».

Сказав это, она сделала несколько шагов назад, подняла юбки почти до талии и с силой ударила ногой по камню. Торчащий кусок с треском упал на землю.

- Так-то лучше. - Хуа Си Ван повернулась и ослепительно улыбнулась Янь Цзинь Цю. - А ты как думаешь, Цзюньван Е? - сказав это, она не стала дожидаться ответа Янь Цзинь Цю. Она изящно опустила юбки, а затем позволила Бай Ся и другим служанкам поправить складки на ее платье, прежде чем чопорно удалиться.

В гробовом молчании Му Тун смотрел на угол декоративной горы, который был сломан ударом ноги. Он вдруг почувствовал, как занули его собственные ноги. Проглотив комок в горле, он

сказал: «Что вы стоите столбом? Раз Цзюнь ванфэй сказала, что эта декоративная гора ей не нравится, снесите ее и поставьте что-нибудь другое».

- Слушаемся.

Испуганные слуги, наконец, отреагировали и начали убирать учиненный погром. Слуга посмелее краем глаза взглянул на Цзюньван Е. Как и ожидалось от господина, вздохнул он про себя. Несмотря на то, что Цзюнь ванфэй только что продемонстрировала такую молодецкую удаль, он все еще мог сидеть в экипаже со спокойным выражением лица.

- Цзюньван Е? - вышел вперед Му Тун.

Ответа не последовало.

- Цзюньван Е?

Янь Цзинь Цю повернулся и холодно посмотрел на него.

- Уберите эту искусственную гору и посадите куст роз.

Сажать розы с шипами у тропинки? Му Тун озадаченно посмотрел на Цзюньван Е. Увидев серьезное выражение лица собеседника, он опустил голову и сказал: «Ничтожный слуга поступит, как велели».

Прекрасно, розы так розы. По крайней мере, это лучше, чем круглые луковицы из восточных стран, у которых были шипы, но не было листьев.

Когда Хуа Си Ван добралась до своих покоев, она сняла парадную одежду и надела огненно-красное шелковое платье. Уложив волосы с помощью заколки из кровавого нефрита, она вызвала к себе неприметную служанку второго ранга.

- Что вчера делала Лу Чжу?

Служанка послушно рассказала о поведении Лу Чжу в течение всего дня, прежде чем замолчать, опустив голову.

- Бай Ся, как долго Лу Чжу служит мне? - Хуа Си Ван нарисовала кисточкой кровавый цветок на своем лбу и бросила соблазнительный взгляд. - Время - это то, что больше всего изматывает людей. Хорошее может стать плохим, но плохое может стать хорошим.

Бай Ся и двое других девушек не осмеливались заговорить, потому что были со своей госпожой

уже много лет. Они, естественно, знали, что их хозяйка сердится.

- Давай, позови Лу Чжу. - Она отложила расческу и посмотрела на себя в зеркало. Подчеркнув черным угольком брови, она открыла случайную шкатулку с драгоценностями. То, что находилось внутри, слепило глаза.

- Госпожа, - увидев это, Бай Ся и остальные опустились на колени.

Хуа Си Ван, казалось, не заметила их действий. Она взяла браслет, инкрустированный красными камнями, и медленно надела его на запястье.

В комнате стояла такая тишина, что даже дыхание было едва слышно. Никто не смел пошевелиться. Будь их воля, они сейчас и дышать бы перестали.

- Цзюнь ванфэй, Цзюньван Е послал кого-то доставить коробку с драгоценными камнями, - доложил слуга.

- Положите ее, - Хуа Си Ван даже не взглянула на драгоценные камни, которые принес слуга. Вместо этого она без всякого выражения взяла в руки ярко-зеленую чайную чашку.

Когда Лу Чжу вошла в главные покои вслед за служанкой, она обнаружила, что атмосфера здесь накалена до предела. Когда она увидела свою хозяйку в красном платье с длинными рукавами, сидящую без всякого выражения на главном сиденье, и трех других служанок, стоящих на коленях на полу, ее сердце екнуло. Ее колени ослабли, и она опустилась на пол.

«Дон», - этот звук издала чайная чашка, коснувшись стола. Он был едва слышен, но этого было достаточно, чтобы напугать Лу Чжу и заставить ее сердце биться быстрее.

- Лу Чжу в этом году исполняется семнадцать, верно? - Хуа Си Ван подперла рукой подбородок и лениво посмотрела на Лу Чжу, стоящую перед ней на коленях. Она вздохнула и сказала: - Ты была со мной по крайней мере шесть лет.

- Барышня, эта ничтожная служанка совершила ошибку. - Прежде чем Хуа Си Ван успела сказать что-нибудь еще, Лу Чжу начала умолять. - На мгновение я стала будто одержима. Прошу вас в память о наших отношениях госпожи и служанки дать мне еще один шанс.

Когда Хуа Си Ван увидела, что она ведет себя подобным образом, она скорее развеселилась, чем рассердилась.

- И что за отношения заставили тебя думать о близости с твоим господином?

Лу Чжу всегда находилась во внутренних покоях поместья и не видела много выдающихся

мужчин. Глядя на то, как Цзюньван Е нежен со своей женой, через некоторое время у нее появились запретные мысли. Прямо сейчас, когда ее грех был выставлен на обозрение перед ее сестрами, ее лицо побледнело, и она была не в состоянии защитить себя. Она знала, что должна сказать, но под насмешливым взглядом хозяйки не смогла произнести ни звука.

- Цзюнь ванфэй, Цзюньван Е отправил меня принести вам две тарелки свежего личи.

Когда Му Тун вошел в главные покои, его взгляд скользнул мимо Лу Чжу. Затем он поклонился Хуа Си Ван со словами: «Это личи произрастает в районе Юэ [3] - попробуйте и посмотрите, понравится ли вам?»

- Положи его туда. - Хуа Си Ван даже не посмотрела на тарелки с лакомством. - Цзюньван Е потратил много сил.

Заметив ее отношение, Му Туну ничего не оставалось, кроме как оставить принесенное и отступить. Казалось, что Цзюнь ванфэй все еще сердится. Ничто из того, что Цзюньван Е пошлет сейчас, не принесет желаемого эффекта.

- Когда я вышла замуж, управляющий поместья хоу передал мне ваши контракты. - Хуа Си Ван положила бумагу на стол и медленно сказала: - Ты можешь уйти.

- Госпожа! - Лу Чжу не ожидала, что ее госпожа не станет ни бранить, ни бить ее, а заставит покинуть поместье. Но она была молодой женщиной. Что она будет делать, покинув этот дом?

- Я говорила это еще до того, как вышла замуж. Что толку теперь молить о пощаде? Когда ты творила подобное за моей спиной, ты должна была подумать о последствиях. - Хуа Си Ван холодно посмотрела на Лу Чжу. - Я отпускаю тебя, чтобы защитить твое лицо. Иначе тебе даже репутацию свою спасти не удастся.

В это время Лу Чжу очень сожалела и злилась на себя. Она думала, что если Цзюньван Е действительно возжелает ее, госпожа пожалует ей титул наложницы, помня об их отношениях за все эти годы. Но кто же знал, что дело обернется именно так. Цзюньван Е не желал ее, а госпожа не знала пощады.

Она хотела заставить Бай Ся и других заступиться за нее, но когда она посмотрела на них, они опустили головы вниз и даже не осмелились взглянуть на нее.

В этот момент безнадежное чувство внутри нее переросло в ярость.

- Госпожа, вы рождены красивой и благородной. Достаточно лишь одного вашего слова, и вы получите желаемое. Но мне не суждено было родиться барышней из благородной семьи, у меня нет хороших связей. Я даже не смею долго смотреть на человека, которого люблю. Как вы можете понять боль, которую я чувствую?

- Что тебе в нем нравится? - Хуа Си Ван бесстрастно посмотрела на Лу Чжу. - Если это красота, то наступит день, когда он состарится. Если это талант, что такого хорошего в умении сочинять стихи и песни? Если это характер, то когда он был добр к тебе? Ты даже не знаешь, что он за человек, и смеешь употреблять слово «любовь»?

Лу Чжу была не в состоянии спорить, но считала, что не так глупа, как говорила госпожа. Она влюбилась в Цзюньван Е с первого взгляда, и не за что-то, а вопреки всему.

- Или тебе нравится выдающаяся внешность Сянь Цзюньвана? Будь он ученым из простой семьи, ты бы по-прежнему любила его?

- Если бы Цзюньван Е был ученым из простой семьи, вы бы взглянули на него, госпожа?

- Конечно, нет. - Хуа Си Ван фыркнула. - Я родилась благородной барышней из поместья хоу; мне было суждено выйти замуж за мужчину из знатной семьи. Если бы он был обычным ученым, какие шансы у него были появиться передо мной?

- Тогда выходит, вам нравится лишь статус Цзюньван Е? - Лу Чжу рассердилась из-за Янь Цзинь Цю. Он был так внимателен к своей жене, но та была холодна и бесчувственна. Даже она, служанка, могла видеть любовь Цзюньван Е к госпоже. Неужели такой умный человек, как хозяйка, не заметила этого?

- А знаешь ли ты, что ему нравится во мне? - Хуа Си Ван закрыла глаза, не желая больше смотреть на Лу Чжу. - Уходи. С сегодняшнего дня наши отношения госпожи и слуги закончились.

Лу Чжу ошеломленно посмотрела на женщину в красном и трижды поклонилась.

- Госпожа, прошу вас, в будущем хорошо обращайтесь с Цзюньван Е. Лу Чжу прощается с вами.

Закончив, она повернулась и вышла из главной комнаты.

Когда Лу Чжу ушла, Хуа Си Ван холодно сказала: «Все встаньте».

Она никогда не была человеком, легко проникающимся сочувствием. Она была такой в прошлом и останется такой в будущем.

Когда Бай Ся и другие узнали, что Лу Чжу положила глаз на Цзюньван Е, они были так напуганы, что с их лиц исчезла вся краска. Хотя они и получили приказ встать, выражение их лиц не слишком изменилось.

Что же такое творится в голове у Лу Чжу, раз она посмела гордиться такой чужь?

---

[1] в Китае издавна существует традиционное искусство хайдао - резьба по фруктовым косточкам. Мастера хайдао сперва тщательно обрабатывали косточки, затем рисовали чертеж, а точнее, план, которому следовали в процессе работы над скульптурой. Особенно ценными считались косточки от персиков, поскольку в древнекитайской культуре персик это символ спасения, а также богатства и процветания. Украшения именно из таких косточек предпочитали носить высокопоставленные особы и члены их семей.

В наши дни фигурки вырезают и из косточек других растений, например оливы. Существует также резьба по скорлупе грецкого ореха;

[2] 凌霄 (língxīāohuā) кампсис - многолетняя листопадная лиана с зубчатыми листьями, крупными трубчатыми цветками алого или ярко-оранжевого цвета. Иероглиф 花(huā) в этом слове означает «цветок», а 凌霄 (língxīāo) - возноситься ввысь, взмывать;

[3] Юэ - старое название провинции Гуандун.

<http://tl.rulate.ru/book/5480/780589>